

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«Национальный исследовательский университет ИТМО»
(Университет ИТМО)

Кронверкский пр-т, д. 49, лит. А,
Санкт-Петербург, Россия, 197101
Тел.: (812) 480-00-00
od@itmo.ru | itmo.ru

В Диссертационный совет 24.2.366.09
на базе ФГАОУ ВО

«Российский государственный гуманитарный
университет»

Отзыв на автореферат диссертации Дмитрия Александрович Костоглотова
«Интернет-мем как форма исторической репрезентации в медиатизированной среде»,
представленной на соискание ученой степени кандидата культурологии
по специальности 5.10.1 - Теория и история культуры, искусства

Диссертация Дмитрия Костоглотова посвящена осмыслению мема как предмета гуманитарного знания. В работе изобретается понятие исторического мема, проводится подробная ревизия способа существования мемов и критически рассматриваются основания для изучения этого феномена. Все эти задачи выполнены новаторски, последовательно и с очевидным результатом.

В первую очередь, интересна работа с переопределением понятия мема. «Исторический мем» как понятие позволяет обратиться к составляющим мема не как к палимпсесту (как артефакту) или постмодернистскому ремеслу (как практике), но увидеть его как сложный объект, требующий и подробного анализа, и помещения в ряд с другими предметами культуры. Таким образом, мем остаётся частью и своего рода симптомом современности, но благодаря методологическим подходам, разработанным Дмитрием, обретает возможность быть познанным, а не присвоенным множеству трактовок. В чём новаторство подхода? В первую очередь оно проявляется в том, как сформирован подход: вместо синхронного рассмотрения множества вариаций мема, вводится обращение к тому, как мем изменяется. Заменяя множественность на изменчивость, Дмитрий не просто совершает риторическую работу, а обоснованно показывает, что мем может быть определён через меняющиеся и небессвязные отношения значений и акторов.

«Историчность» позволяет увидеть мем как явление с внешним и внутренним содержанием, а следовательно, соотнести его и с контекстом его существования, и применить к нему познавательные инструменты, которые невозможно применить, если речь идёт о меме как контекстуально (и синхронно) изменчивом объекте. Впрочем, в диссертации выбран рекурсивный подход: то есть изучается не история мемов, но история мемов об истории. История в некотором смысле перестаёт быть значимой в этом случае, так как происходит переход к широкому настоящему (с. 148). Это представляется не столько находкой, сколько ограничением: неясно, как применить подход к другим темам, и где границы в определении интернет-мема как исторического объекта (например, будут ли открытки или гифки также частью общего понятия интернет-мемов, и где границы

интерпретации и поиска ностальгии в мемах, напрямую не отсылающих к истории).

Подход Дмитрия вырастает из нескольких оснований, хотя чтобы прийти к нему, автор проделал большую работу, представленную в диссертации. Чтобы прийти к триаде «репрезентация — метафора — исторический опыт», автор обращается критически к разным дисциплинарным подходам. Объединение разных подходов происходит на основе «нарративной субстанции» по Анкерсмит. Это позволяет выйти за пределы постмодернистского «нет ничего вне текста». «Имплицитность» возможного использования категории исторического опыта, о которой сказано на с. 32. Она требует уточнения: текст представляет её как возможное, благое, но при этом не вполне осязаемое следствие возможности разделить повествуемое и повествующее. Не вполне ясно, почему этот выход из условного постструктурализма в столь же условный структурализм (и обращение к знаку и означающему) подходит именно для мемов. Для решения этой неясности Дмитрий обращается к сопоставлению метафоры и кантовского трансцендентализма. Теоретическая работа с понятием метафоры представляется одной из самостоятельно ценных частей диссертации, так как она критична и к самому понятию метафоры, и позволяет показать организующую метафору для мемов, и совместить понимание метафоры с пониманием фрейма, ситуации и рамки. Последний ход является аккуратным и интересным, хотя и небесспорным теоретическим новаторством: сочетает подход Ирвина Гоффмана к пониманию социального взаимодействия в фреймах, интернет-исследования и репликацию мема как способ взаимодействия с ним. Разработка понятия «метафора-фрейм», предложенного на с. 37 может быть закономерным теоретическим развитием диссертации.

Помимо литературы о теории культуры, также изучены исследования, посвящённые современной культуре в её сложности, работе разных интернет-площадок, ключевые труды по истории и современности культуры, историографии и так далее. Одним из ключевых подходов для Дмитрия стала «Метаистория» Хейдена Уайта, и я считаю, что этот выбор по отношению к мемам оправдан, и обладает эвристическим потенциалом. В работе есть не только амбиция выхода из постмодернистской переводимости всего во всё, но и обращение к мемам как к части реальности, в которой остаются невидимыми (но как бы спрятанными) метафоры, исторический опыт и ситуация репликации и иного взаимодействия. Впрочем, разнообразие предметов ностальгии показано не в ключе дискуссий (как первая глава), а скорее в синтетическом ключе: ностальгия, исторический опыт и эффекты истории становятся как бы дополняющими друг друга понятиями наряду с метафорой и репрезентацией. Резонно, как Дмитрий пишет на с. 49, что они эти понятия обычно существуют на разных уровнях. Их объединение становится нетривиальной задачей, но диссертация представляет столь же нетривиальный способ концептуальной и исследовательской работы. Особенно ценным теоретическим ходом мне представляется работа с проблемой анахронизма, которая представляется в мемах в своём многообразии. Не вполне ясно, как этот анахронизм соотносится с метаисторичностью, предполагающей значительную роль контекста. Соотношение показано в части о советских и некоторых англоязычных мемах, но в других случаях (особенно в случае «качка доге») как будто оказывается снятым противоречием, хотя его развитие не представлено в работе как исторический процесс. Отчасти, однако, разнообразие примеров компенсирует возможную двойственность трактовки анахронизма как части истории.

Наконец, критическая ревизия исследований позволяет обратиться к мемам не как к новоявленным феноменам или, наоборот, глубоко вторичным проявлениям смеховой или иной культуры. Подход Дмитрия балансирует между этими двумя вариантами. Его ревизия интернет-исследований сконцентрирована не на исторической генеалогии (от

Докинза к современности), а скорее к структуре функционирования мемов в интернете и их работе в качестве культурных артефактов. Подбор и анализ мемов при этом организован в соответствии с тематическими рамками диссертации, предметом анализа является прошлое и история. Остаётся не вполне ясным принцип интерпретации, так как обширная теоретическая рамка задаёт возможность герменевтики, усложняя возможность противоположных «прочтений». Этот подход адекватен выбранным теоретическим рамкам, хотя для социальных исследования выглядит необычным и противоречивым, а кроме того, «текстуализирует» мемы, несмотря на заявленное намерение выхода из постмодернизма. Тем не менее, это позволяет сформировать ясные результаты и на разных примерах показать мемы не просто как «современный» объект интереса, а как часть культуры, адекватно работающую в традиции культурологического анализа.

Есть и несколько вопросов, которые возникают по прочтению диссертации.

Диалектичность мемов. Текст представляет неоднозначность мема как диалектическое явление. Но диалектичность показана как противоречивость на уровне гносеологии: например, мы можем посмотреть на мем как на то, что исключительно репрезентирует/представляет реальность, а можем — как на многослойное явление, которое становится частью реальности. Если мы, таким образом, полагаем, что мем является одновременно способом представлять историю и её производить, это едва ли является диалектичным. Скорее это особенность познавательного подхода или их множественности. Кроме того, диалектичность должна представлять не только бинарную оппозицию, но и выход за её пределы, синтез или снятие. Таковое в тексте диссертации не представлено, или, по крайней мере, не показано в своём развитии. Мой вопрос в том, насколько ценно для работы понятие диалектики, и не является ли оно избыточным по отношению к вполне содержательным другим свойствам мемов?

Не вполне ясно, как происходит определение чего-то как «культуры»: мем-культуры или интернет-культуры. Если это определение связано с медиумом (как в случае с интернетом), то возникает вопрос о том, возможны ли мемы как самостоятельный объект внимания и исследования. Если, напротив, мемы существуют как культуuroобразующая практика, то неясно, какую роль играет интернет. В целом «шаблонность» мема как его ключевое определение не вызывает вопросов, но требует сопоставления с другими, аналогичными или близкими артефактами и/или практиками. Вопрос в таком случае в том, что создаёт «культурность» в мем-культуре и сопутствующих понятиях?

В целом, поворот к истории представляется эвристичным, и более подробный анализ истории самих мемов и их трансформации был бы уместным продолжением и развитием диссертационного исследования и формирования более широкой исследовательской повестки.

Я считаю, что диссертация Дмитрия Александровича Костоглолова полностью соответствует научной специальности, тема вполне изучена, результаты апробированы, и автор заслуживает присуждения звания кандидата наук.

Колозариди Полина Владимировна,

кандидат социологических наук

доцент университета ИТМО,

руководитель международного центра цифровых гуманитарных исследований
университета ИТМО.

18.11.2025.

Подпись Колозариди П.В.
удостоверяю
Менеджер ОПС
Дьячук Ю.А.

